

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КАК ПЕРСПЕКТИВА

Ю. Б. Балашова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию: 12 марта 2018 г.

Аннотация: в рецензии на книгу научного журналиста Андрея Ваганова «Спираль жанра: От «народной науки» до развлекательного бизнеса. История и перспективы популяризации науки в России» акцентируется вопрос об обоснованности предложенной периодизации, а также внешних факторах, оказывающих первостепенное влияние на развитие научной популяризации.

Ключевые слова: история научной популяризации, научные коммуникации, научно-популярный жанр.

Abstract: in the review on the book, named: "Spiral of the genre: From 'folk science' to entertaining business: History and prospects of popularization of science in Russia", written by a scientific journalist Andrey Vaganov, the question of the validity of the proposed periodization is emphasized, as well as external factors that have a primary impact on the scientific popularization development.

Keywords: the history of science popularization, science communication, popular science genre.

В последние несколько лет очевиден рост интереса к популярной науке. Впервые за всё постсоветское время в эту сферу пришли деньги, медиа, новые люди и технологии. На этом фоне возобновилась дискуссия о прошлом, настоящем и будущем популярной науки в России в сопоставлении с опытом ведущих в плане медиатизации знаний англо-саксонских стран. Автор настоящей рецензии также вовлечён в данный процесс и благодарит «Российский фонд фундаментальных исследований», при поддержке которого и подготовлена настоящая публикация (научный проект № 16–03–50128). В процессе подготовки монографии «Традиции медиатизации российской науки» автор обратился к новейшей литературе по истории научной популяризации и обнаружил лишь одну работу, претендующую на целостность и масштабность осмысления.

В 2014 г. вышла книга об истории научной популяризации в России, написанная известным научным журналистом Андреем Вагановым в «лёгком» научно-популярном жанре. И это, в общем, оправдано. Здесь отчётливо проявляется компенсаторная функция популярной науки. Её вклад в пропаганду научных знаний проявляется в том числе и в тех областях, где в силу разных причин (скажем, повышенной сложности или запутанности) затруднено обстоятельное научное исследование. Выход данной книги ценен ещё и потому, что в совокупности накапливается чрезвычайно значительный массив необходимых материалов по истории популяризации науки в России. В советские время основной вклад в разработку данной темы внесли исследования

Э. А. Лазаревич, отнюдь не утратившие, несмотря на фактические неточности и сильную степень идеологизации, своей роли первопроходца в чрезвычайно значимой области «общедоступной науки». Следующий шаг, к которому подводит рассматриваемая книга, — создание фундаментальной истории популяризации науки в России.

«Научная популяризация», или, по выражению автора, «научпоп», — термин, порождённый советской системой и в известном смысле морально устаревший. Заметим, что на Западе это понятие хотя и употребляется, однако достаточно ограниченно и действительно несёт компенсаторную коннотацию, знаменуя тот поворотный момент, когда учёному становится сложно работать в серьёзной науке и он переходит к более популярным (адаптированным) её формам. В России ситуация несколько иная. Можно вспомнить движение Ю. Н. Тынянова от академической науки к созданию исторических романов и повестей на фоне кампании по борьбе с формализмом и одновременно — социальным заказом на популярную литературу. В западной традиции чаще используются термины «медиатизация науки» и «научные коммуникации», обозначающие процесс социализации научного знания.

Центральная идея книги Андрея Ваганова заключается в том, что «интерес общества к науке слабо зависит от тиражей научно-популярной литературы. Это именно промышленное развитие тянет за собой развитие системы научно-популярной периодики и литературы. Не наоборот» [1, 151]. Иными словами, «научпоп» выступает прямым следствием промышленного и индустриального развития общества. В соответствии с заявленной установкой

автор выстраивает определённую жанровую эволюцию и типологию научно-популярного жанра «...как конкретно-исторического феномена. Он прошёл несколько стадий в своём развитии и продолжает видоизменяться» [1, 23]. Андрей Ваганов предлагает следующую схему развития жара, выделяя четыре основных этапа. Первый этап связан с научной революцией в Европе и охватывает XVII — начало XVIII вв. Ваганов называет этот период «народной наукой», «Popular Science, но... без популяризации собственно науки» [1, 23]. Проблема заключается в том, что приводимые примеры не вполне подкрепляют выдвинутый автором тезис. Так, издаваемые Академией наук знаковые для эпохи «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях» (1728–1742) сам автор справедливо характеризует как «...рассчитанное на узкий круг читателей, прежде всего — на самих академиков, и не предназначенное для широкой публики» [1, 28]. Складывается впечатление, что если и использовать условное понятие «народная наука», то, скорее, для характеристики различных позднесредневековых и распространённых на переходе к Новому времени «изборников»: «травников», «лечебников» («Прохладных вертоградов» XVII в.).

В выделяемом Андреем Вагановым втором периоде развития научно-популярного жанра смущают слишком конкретно заданные временные границы: 1750–1850 гг. Но с базовым определением этого периода — «промышленное просвещение», вызванное промышленной революцией в Европе, вероятно, стоит согласиться. Правда, не получается согласиться с доминантной «исторической формой научно-популярного жанра» — «пособия в помощь техническому любительству» [1, 24]. Основной и отнюдь не жанр, а тип издания в это время — энциклопедический журнал, если мы понимаем под научной популяризацией текстовый канал распространения информации. И здесь напрашивается ещё один вопрос, о какой именно материи идёт речь: о жанре или о сверхжанре? По-видимому, сначала складываются исторические типы популяризации знаний (сборник, журнал, альманах, пособие), а затем (причём, как представляется, довольно поздно, на рубеже XIX–XX в.) — научно-популярный жанр как таковой. В этом смысле размывается рациональная логика движения смысла от простого к сложному. Вспомним цикл телевизионных лекций Ю. М. Лотмана: всё как будто предельно просто — ни спецэффектов, ни «технических новинок и изобретений», в кадре просто сидит учёный (вовсе не «попучёный») и рассказывает в спокойной манере о «школьных» декабристах, а впечатление — незабываемое, внедряющее в сознание аудитории элементы культурного мировоззрения. Чем не «народная наука»?

Третий период эволюции жанра определяет Андрей Вагановым во временном отношении,

с середины XIX до середины XX вв., и укладывается в формулу «занимательная наука». Действительно, такая характеристика представляется оправданной. Сформированный позитивистскими представлениями о ценности знания, этот период — по крайней мере в Советской России — продлился вплоть до окончания Второй мировой войны вследствие мощнейшего воздействия (персонального, парадигмального, институционального) дореволюционной науки. Характеристика исторического контекста указанного периода «...рождение феномена государственной научно-технической политики на фоне мировых войн» [1, 24] нуждается в существенном уточнении, поскольку многое в это время определялось как раз негосударственной, частной просветительской инициативой. Наконец, четвёртый период охватывает середину XX — начало XXI вв., соответственно, и определяется как «научпоп, Popular Science 0.2». «В эпоху научпопа коммуницируют уже не столько по поводу науки, сколько по поводу того, что когда-то было научным знанием, — пишет Андрей Ваганов. — То есть по поводу популярной интерпретации знаний. И, по своей природе, научпоп — это часть развлекательного бизнеса. Другими словами, потребитель научпопа тоже получает знание, но это уже не научное знание» [1, 25]. Звучит по-постмодернистски, но справедливо.

И всё же основное достоинство книги видится нам не столько в теоретических построениях, сколько в сборе и систематизации огромного количества различных материалов, касающихся отдельных персоналий (от Ньютона — до наших дней), издательской инфраструктуры и рынка СМИ, государственной политики в области научного просвещения. Эти сведения обобщены в многочисленных таблицах. И конечно, в центре рассмотрения оказывается система популяризации знания в СССР: «Беспрецедентное и, судя по всему, до сих пор не повторённое социальное достижение в истории цивилизации: население гигантской страны почти поголовно было охвачено научно-популярной пропагандой! <...> К середине 1980-х годов каждая двадцатая книга в СССР — научно-популярная. Причём половина тиража советских научно-популярных изданий приходилась на издательство научно-популярной литературы “Знание”, созданное в 1951 году» [1, 158, 159]. После издательского предисловия, выдержанного в апологетических по отношению к советскому прошлому тонах, читатель внутренне готов к продолжению заданной линии. Однако Андрей Ваганов остаётся на принципах объективности, подчёркивая, что «ситуация с процветанием научно-популярного жанра в СССР была отнюдь не уникальной. Он процветал (и процветает) всюду, где было (и продолжается) промышленное, индустриальное развитие экономики» [1, 165]. В качестве примера автор ссылается на конструктивный популяризаторский опыт США.

Любопытен раздел книги о «Казанской Ньютониане — 1943»: «В 1942–1943 гг. Казань стала неформальным интеллектуальным эпицентром ньютоновских торжеств. Такой концентрации исследований, посвящённых жизни и творчеству Исаака Ньютона, не было, пожалуй, нигде в мире. <...> Но, возможно, самое поразительное, что все эти юбилейные ньютоновские торжества действительно были всенародными, а не просто сугубо академической, монотонной чередой мероприятий» [1, 144, 145]. Очевидно, такие — почти ритуальные — действия помогали выжить в годы войны. В то же время это лишний раз доказывает огромную, недостаточно эксплицируемую, тягу широкой аудитории, состоящей в том числе из самоучек-Кулибиных, к объективизированной картине мира. От себя добавим, что такого рода эксперименты по вовлечению самых широких масс в пространство науки и культуры таят большую опасность вульгаризации. Пример «пушкиниан» — тому подтверждение. Расширительно понимаемая популяризация, по крайней мере в гуманитарной сфере, не может обходиться без элементов игры и карнавализации. В противном случае Пушкин легко превращается то в «гипсовую статуэтку», то в «члена Политбюро». Вообще, гуманитарное просветительство, или, выражаясь современным языком, культуртрегерство, тяготеет к продвижению не столько специальных областей, сколько широкого гуманитарного понимания мира, обаяния и глубины научно-гуманитарного мышления. Справедливости ради отметим, что среди многочисленных разломов и демаркационных линий, отграничивающих науку от общества, новейший конфликт представителей естественно-научного и гуманитарного знания, составляющий типичную повестку публичной дискуссии о научном просвещении и популяризации, выглядит едва ли не наиболее огорчительным. К сожалению, это об-

стоятельство отнюдь не свидетельствует об адекватном уровне общественного обсуждения.

Наряду с достоинствами жанра популярной науки рецензируемое сочинение отражает и характерный его недостаток. В нём очевидна некая редукция истории. Прежде всего, сам основополагающий разговор о жанре научной популяризации представлен с латентной позиции технического специалиста, невольно упрекающего гуманитариев в размывании смыслов и множественности интерпретаций. В дальнейшем «техногенный» подход также даёт о себе знать. Говоря о расцвете «научпопа» в послереволюционное время, автор упоминает о «плохой генетике» этого жанра в России» [1, 38]. Если подходить к трактовке жанра с научно-технической точки зрения, то российская традиция действительно не идёт ни в какое сравнение с упоминаемой немецкой. Если же включить в трактовку жанра гуманитарную составляющую, принципиально не разводившую научную популяризацию и просветительство (что чрезвычайно характерно для российской почвы и отвечает глубинным механизмам русской культуры), то картина окажется совсем иной. Впрочем, это тема для другого исследования.

Книга Андрея Ваганова важна. В ней проявился богатый практический опыт автора, его знание научной среды, оригинальность подхода и контекстуальные открытия. Обобщая огромный массив фактического материала, «Спираль жанра» выводит на новый виток осмысления «истории и перспектив популяризации науки в России».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваганов А. Г. Спираль жанра: От «народной науки» до развлекательного бизнеса. История и перспективы популяризации науки в России / А. Г. Ваганов. — Москва: ЛЕНАНД, 2014. — 224 с. — (Наука в СССР: Через тернии к звёздам. № 29).

Санкт-Петербургский государственный университет
Балашова Ю. Б., доктор филологических наук, профессор,
E-mail: j.balashova@spbu.ru

Saint Petersburg State University
Balashova Yu. B., Doctor of Philology, Professor
E-mail: j.balashova@spbu.ru